

[БЛИЖЕ К ДАТЕ]

1960-е: КОСМИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ

Мы продолжаем рассказывать об истории железногорского Спецстроя, он в нынешнем году отмечает свое 60-летие. На этот раз подробнее об эпохе 1960-х. В те годы военные строители возводили не только ядерные объекты «комбината 815». Правительство СССР делегировало им еще две задачи государственной важности: необходимо было построить первое космическое предприятие Сибири, а также возвести в голой ужурской степи секретный ракетно-ядерный комплекс.

ПОДБИРАЛИСЬ 1960-е, времена хрущевской оттепели и активного освоения космоса. В 1958 году советским правительством и, разумеется, ЦК КПСС было принято беспрецедентное решение - построить завод по изготовлению спутников в далекой Сибири, в Красноярске-26. В том же году Сибхимстрой приступил к возведению первых наземных и подземных цехов НПО ПМ.

Строительство космической фирмы шло бурными темпами. Ход работ контролировал лично Петр Штефан, а после его ухода Вячеслав Панус. Основное здание конструкторского бюро, цеха 20, 37, 39 - все было введено в строй уже в 1961 году. Спустя два года был сдан комплекс АФУ. Цеха и административные здания возводили сразу несколько СМУ, одновременно строилось жилье и социальная инфраструктура для работников нового предприятия.

Историк-исследователь Анатолий Фролов в своей книге «Сибхимстрой: 50 лет в строю» вспоминает такой случай. В 1974 году, когда в Красноярске-26 активно строились микрорайоны, к почти готовой девятиэтажке пришли Петр Штефан и Анатолий Митрофанов, директор мехзавода НПО ПМ. Предста-

витель НПО был не в духе: якобы в доме протекала крыша. И Штефан, недолго думая, предложил Митрофанову подняться на самый верх здания и вместе проверить. Они поднялись, но недочетов не нашли. Штефан же, пользуясь случаем, уговорил Анатолия Ефимовича на новые дома для специалистов НПО ПМ в 3-м микрорайоне.

Активное строительство НПО ПМ было завершено в 1995 году. К этому времени была полностью готова не только инфраструктура предприятия, но и «звездная» атрибутика - бассейн

«Радуга», профилакторий «Звездный», пионерский лагерь «Звездочка» и много других объектов.

Начало 1960-х многим запомнилось не только полетом Юрия Гагарина в космос, но и обострением отношений между Советским Союзом и Америкой. В мае 1961-го над Свердловском был сбит американский самолет-разведчик. Советское правительство тут же решило усилить ракетно-ядерную мощь страны. Новые межконтинентальные ракеты готовы, но не было площадок для их запуска. Одну из них нуж-

но было построить в ужурских степях Красноярского края. Ответственный - Сибхимстрой.

Говорят, даже Штефана смутила масштабность проекта, а главное, сроки его выполнения. Представьте себе, голая степь, страшное бездорожье (одних дорог предполагалось построить около 400 километров!), отсутствие промышленных баз, элементарных условий для проживания строителей. На создание комплекса (ракетные «точки» плюс военный городок) было отпущено всего три года. Когда выбивались из графика, на объект тут же прибывало высокое начальство из Москвы и учиняло разносы. Генералу Штефану, пропадавшему на стройке круглые сутки, доставалось больше всех.

Опыт шахтового строительства Сибхимстроя пригодился при возведении ракетных «точек». В пространстве между стенкой шахты и «стаканом» на большой высоте с подвесных лесов и веревок работать было невероятно тяжело и опасно. Предпочитали действовать

без противогазов: дышали с помощью шланга компрессора, по которому подавался чистый воздух с поверхности. Работали в три смены, делали невозможное с учетом политической подоплеки строительства. «Вопрос стоял так, - вспоминает Анатолий Фролов в своей книге, - или мы, или Запад обгонит нас».

Ужурская эпопея закончилась в декабре 1966-го. За беспримерный трудовой подвиг 64 работника Сибхимстроя были представлены тогда к государственным наградам. Долгое время им не разрешалось рассказывать о том, что они строили. Несмотря на договор об СНВ-2, политике открытости и гласности, ужурский объект до сих пор - одна из самых закрытых страниц отечественной истории. Как говорится, сохраняется ракетно-ядерный паритет между Россией и США, в чем есть и заслуга железногорских строителей. И слава богу.

Никита БЕЛОВ.
Продолжение следует.

[КАК ЭТО БЫЛО]

Владимир СПЕРАНСКИЙ:

«Я НИ О ЧЕМ НЕ ЖАЛЕЮ!»

Говорят, существует формула черновильской катастрофы - персонал допустил, а реактор позволил. Строитель и председатель общественной организации «Союз «Чернобыль» Владимир СПЕРАНСКИЙ, ему сегодня 76, убежден, если бы не головотяпство и непрофессионализм отдельных личностей на украинской АЭС тогда, в 1986-м, страшной катастрофы не было бы. Но история не знает сослагательного наклонения.

НА ЛИКВИДАЦИЮ аварии одними из первых отправились строители из Красноярска-26. Никакого МЧС тогда не было и в помине. Мир спасали обладатели самой мирной профессии на Земле.

- Владимир Константинович, говорят, ваш институтский диплом касался как раз секретной темы - восстановление объектов после атомного взрыва. Пригодилась теория в Чернобыле?

- Отчасти да. В начале 1950-х я окончил Ленинградскую военную академию имени Можайского. В те времена все мальчишки бредили авиацией, но я не прошел медкомиссию, сказались бло-

кадное детство, так и оказался на факультете строительства. Диплом назывался «Восстановление аэродромов от взрыва атомной бомбы». Когда случился Чернобыль, я сразу подумал: а ведь могло быть все гораздо хуже! На энергоблоке произошел локальный взрыв, его сдержали конструкции, вот почему не было ударной волны, которая бы снесла город атомщиков Припять. Об этом не писали в газетах, многое, по исконной советской привычке, держали в секрете. Поэтому, когда меня и Сергея Дубинина в конце мая 1986-го вызвал Штефан и объявил нам о командировке в Чернобыль, о характере работ мы знали приблизительно. Но захватили с собой по мешку спецодежды. Догадывались: мы летели в самый настоящий ад.

- Вы были первыми, кто приехал из нашего города в Чернобыль. Что удивило?

- Как ни странно, первые впечатления были положительные. Подъезжаю к АЭС: аист мирно вылавливает из пруда лягушек. Даже сам разрушенный 4-й блок не вызвал испуга, отчаяния. Я рос в блокадном Ленинграде, видел бомбежку, разрушения и пострашнее. Но не успел оглянуться, запикал дозиметр. Потом я его просто не брал с собой, чтобы не мешал работать. Известно, что взрыв в Чернобыле эквивалентен 600 «хиросимам». Представьте, ка-

кое было мощное радиоактивное поле! Норма облучения на специфичных производств в те времена была 5 рентген в год. На Чернобыле правительство «разрешило» получить 25 за месяц командировки. Но многие схватили, конечно, и 50 рентген, и более. Особенно пострадали обыкновенные солдаты и пожарные, они были брошены на борьбу с катастрофой в первые дни, когда случилась трагедия.

- То есть с вырвавшимся на свободу атомом боролось Министерство обороны?

- Да, а вместе с ним и наука. Целый месяц! Засыпали реактор песком, потом свинцом с вертолетов, от таких мер радиоактивный фон не уменьшился. В конце мая наконец генподрядчиком всех работ по ликвидации аварии на Чернобыле назначили Министерство среднего машиностроения, которое возглавлял Ефим Славский. Ему было за 80, всем запомнились тогда его слова: «Я создавал первый атомный реактор в СССР. Теперь под моим руководством впервые реактор будет захоронен». Ему принадлежит идея строительства бетонного саркофага, а также он придумал накрыть энергоблок алюминиевой крышкой, ее потом тут же изготовили на Харьковском машиностроительном заводе. Одновременно на строительстве саркофага работало 11 тысяч человек! Из-за угрозы

лучевой болезни монтажники и строители трудились не более 20-30 минут в смену, остальное время проводили в специальном бункере. Плюс четыре часа на дорогу - два туда, два обратно. Люди валились от усталости, только бы добраться до кровати!

- В 2008 году вы написали книгу «Сибиряки с чернобыльской отметиной». В ней приводятся воспоминания участников ликвидации, где каждый задает сам себе вопрос: а не жалеет ли он, что поехал туда в 1986-м?... И мнения, знаете, разные.

- В людях говорит обида, что государство заставило чернобыльцев ходить по инстанциям, судиться, чтобы защитить свои права, свое здоровье. Сейчас страсти почти улеглись, так и нас остается с каждым годом все меньше. Онкология - наше «профессиональное» заболевание. Из Железногорска на ликвидацию аварии были командированы 800 человек: монтажники, дозиметристы, водители, медики, даже повара, но большинство все-таки было строителей. Нас там так и называли - «штефановцы». О былячках и о том, что с нами будет потом, тогда, в 1986-м, никто не думал. «Надо так надо», «если не мы, то кто же?» - так мы были воспитаны. Срок годности введенного нами саркофага - 30 лет. Он уже выдержал и яростный смерч, и зем-

летрясение в 4 балла. За 20 лет максимальные просадки составили 28 мм, никаких трещин или обрушений конструкций. Значит, сработали на совесть.

- Вы известный и уважаемый человек в городе, в среде строителей до сих пор высоко ценятся ваши инженерные способности. Железногорский Спецстрой выдвинул вас на соискание звания почетного гражданина Железногорска. Связь с родным предприятием поддерживаете?

- Всегда: и в горе, и в радости мы вместе! В Красноярск-26 я прибыл в 1952-м, с Петром Тихоновичем Штефаном в один год, только звездочки у нас были разные - он полковник, я молоденький лейтенант. Вся жизнь - это стройка, мы строили город и его секретные объекты, о которых и в наше время не принято распространяться. В общем, я ни о чем, включая Чернобыль, не жалею, если вы об этом хотели спросить.

Ирина СИМОНОВА.